

смотря на кажущуюся «свободу» мужчины в любви – он становится рабом своей страсти – а героиня уже второй раз оказывается брошена, и женская судьба ее, скорее всего, будет очень драматична.

В связи с вышеизложенной проблематикой в повести исследуется также характер героя-наставника – «лишнего человека» с его высокими помыслами, которым не соответствуют поступки и жизненная практика, так как и он во власти таких могущественных сил, как природа, страсть, судьба.

Литература

1. Тургенев, И.С. Переписка / Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. – Москва: Наука, 1980. – Т.5. – 687 с.

2. Бялый, Г.А. Тургенев и русский реализм. Ленинград: Сов. писатель, 1990. 640 с. – С. 13–244.

3. Маркович, В.М. «Трагическое значение любви»: повести И.С. Тургенева 1850-х годов. Текст: непосредственный.//И.С. Тургенев. Первая любовь: повести. Санкт-Петербург: Азбука, 2011. 400 с. С. 3–28.

DOI: 10.34775/v0195-3306-7264-s

УДК 82(091)

Багатинова П., Майорова Г.В.

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

Н.В. ГОГОЛЬ В РЕЦЕПЦИИ В.В. НАБОКОВА

Аннотация. Статья посвящена анализу рецепции Н. В. Гоголя в творчестве В. В. Набокова и исследованию гоголевской традиции как одного из значимых источников формирования художественного мира писателя. Рассматриваются критические оценки современников Набокова, выявляющие различные литературные параллели, и подчёркивается особое место Гоголя среди авторов, оказавших влияние на писателя. Анализируются сходства и различия в понимании роли автора и персонажа, а также значимость авторского замысла в прозе обоих писателей.

Ключевые слова: Набоков, Гоголь, творчество, традиция, авторский замысел, рецепция.

N.V. GOGOL AT THE RECEPTION OF V.V. NABOKOV

Annotation. The article is devoted to the analysis of N. V. Gogol's reception in the works of V. V. Nabokov and the study of the Gogol tradition as one of the significant sources of the writer's artistic world formation. The article examines the critical assessments of Nabokov's contemporaries, revealing various literary parallels, and highlights Gogol's special place among the authors who influenced the writer. The article analyzes the similarities and differences in understanding the role of the author and the character, as well as the importance of the author's idea in the prose of both writers.

Keywords: Nabokov, Gogol, creativity, tradition, author's idea, reception.

Набоков восходит к гоголевской линии русской литературы. Показано, что Набоков творчески переосмысливает характерное для Гоголя взаимодействие реального и фантастического, формируя собственную поэтику. Полученные выводы уточняют представление о месте гоголевской традиции в литературном наследии Набокова.

В отечественном литературоведении при исследовании творчества В. В. Набокова обращают внимание на вопрос о взаимодействии его произведений с русской литературной традицией.

Роман «Машенька» положил начало для ассоциаций творчества Набокова с русскими писателями, в числе которых были Тургенев и Бунин, так считал Г. Струве. Д. Шаховской же заметил, что Набоков «идет в сторону Достоевского» [1, с. 25].

Творчество Николая Васильевича Гоголя оказалось в числе первых из упомянутых в рецензиях на прозу Набокова. Известно, что Владимир Набоков мало кого из авторов удостоивал положительным отношением, редким исключением стал Гоголь: «Николай Гоголь – самый необычный поэт и прозаик, каких когда-либо рождала Россия» [3, с. 42], – писал Набоков в своей книге «Николай Гоголь». У великих писателей есть как общие черты, так и различия.

К различиям можно отнести восприятие отношений между автором и персонажем в мире их прозы. Н.В. Гоголь отмечает: «Никто из читателей моих не знал того, что смеяь над моими героями, он

смеялся надо мной». В отличие от него, Набоков в интервью выразил две разные точки зрения: «В сущности, когда я пишу, я придумываю самого себя....» [4, с. 52] – в интервью Жану Дювинью. Однако в интервью Олвину Тоффлеру он оспаривает свою первоначальную точку зрения: «Я стараюсь держать персонажей за пределами своей личности». Несмотря на эту разницу у них очень много общего, например, то, что художественное творчество воспринимается ими как способ самоидентификации, или то, что их движущей силой является авторский замысел. «Замысел романа прочно держится в моем сознании, и каждый герой идет по тому пути, который я для него придумал. В этом приватном мире я совершенный диктатор» – говорил Набоков. Такой же подход был характерен и для Гоголя, в планах которого было исправить Чичикова во втором томе «Мертвых душ», подчинив его образ общей идее произведения [3, с. 22].

В попытках найти истоки сложной концепции художественного мира Набокова Г. Адамович сделал вывод, что «именно от Гоголя ведет Набоков свою родословную». Но Гоголь Набокова отличался от того Гоголя «о котором до сих пор толкуют составители учебников и которого Чернышевский признал главой реалистически-обличительного периода русской литературы» – считает Адамович. «Двоящиеся гоголевские видения, фантастичность, призрачность гоголевских обманчиво-бытовых картин» – вот те черты, которые были восприняты Набоковым, именно взаимодействие реального и фантастического, характерное для Гоголя, по-новому и по-своему интерпретирует Владимир Набоков [4, с.57].

Анализ художественного наследия В. В. Набокова в сопоставлении с творчеством Н. В. Гоголя позволяет сделать вывод о глубокой, хотя и неочевидной, преемственности между двумя писателями. Набоков, формировавший собственную эстетическую программу в полемике с русской литературной традицией, воспринимал Гоголя не как «обличителя» и не как реалиста в понимании Чернышевского, а как мастера метафизической игры, творца особого художественного пространства, где реальное и фантастическое взаимодействуют на правах равноправных сущностей. Именно эта интерпретация Гоголя становится для Набокова точкой опоры, определяя его собственное понимание природы авторского замысла, роли писателя и границ художественного мира.

Общие для обоих авторов мотивы — восприятие творчества как способа самоидентификации, доминирующая роль авторской воли,

стремление к тотальности художественного контроля — сочетаются у них с разными представлениями о взаимосвязи между автором и персонажем. Гоголевское двоемирие и его «призрачные видения», переосмысленные Набоковым, становятся одним из ключевых факторов формирования его оригинальной поэтики.

Таким образом, обращение к гоголевскому наследию в контексте набоковского творчества открывает важные перспективы для понимания эволюции русской литературы XX века. «Родословная», о которой писал Г. Адамович, не является прямой линией влияния, но представляет собой сложный творческий диалог, в котором Набоков, оставаясь независимым художником, вступает в активное взаимодействие с эстетикой Гоголя, создавая на её основе собственный, уникальный художественный мир.

Литература

1. Набоков, В.В. Собрание сочинений: в 5 Т. Т. 2. / В. В. Набоков. — СПб., 2003. — 672 с.
2. Сухих, И. Структура и смысл: Теория литературы для всех/ Игорь Сухих. — СПб.,: Азбука, 2016. — 544 с.
3. Набоков, В. В. Лекции по русской литературе. — М., 2001.
4. Бойд, Б. Владимир Набоков: русские годы. Биография. — М., 2001.

DOI: 10.34775/a3186-0329-1197-г

УДК 894.612.8-1

Бедирханов С.А.

*Институт языка, литературы и искусства
имени Г. Цадасы ДФИЦ РАН, г. Махачкала*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА В ЛЕЗГИНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ 1960 – 1980-Х ГОДОВ

(на примере произведения И. Гусейнова «Ашуг Саяд»)

Аннотация. Статья посвящена лезгинскому драматическому творчеству 1960 – 1980-х годов. Рассматриваются структурные основы национальной драматургии. На примере произведения И. Гусейнова «Ашуг Саяд» раскрываются жанровые признаки исторической драмы. Отмечается, что этот драматический жанр сыграл заметную роль в формировании и развитии национальной драматургии XX столетия. Историческая драма располагает свойствами, синтезирую-